
ПРОБЛЕМА ТЕОКРАТИИ В НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

А.А. Сахно

Кафедра истории и политологии
Российский государственный университет туризма и сервиса
*ул. Главная, 99, пос. Черкизово, Московская обл.,
Пушкинский р-н, Россия, 141221*

В статье рассматриваются интерпретации теократии как формы правления и социально-философской концепции в русской научной литературе и периодике второй половины XIX – начале XX в., акцентируется внимание на отдельных проблемах и противоречиях в истории развития теории теократии. Также анализируются исторические параллели между теократиями прошлого и церковно-государственными отношениями в России, имевшие место в литературе исследуемого периода.

Ключевые слова: теократия, теократические властеотношения, Ветхий Завет, Византия, клерикализация.

В литературе рассматриваемого периода проблема теократии являлась, как правило, составной частью вопроса об идеале церковно-государственных отношений. Учеными и публицистами того времени осмыслялась та западническо-секулярная модель отношений государства и церкви в России, начало которой положил Петр I. Система жесткого контроля государства над церковью зачастую вызывала возрождение теократических идей и настроений в российском обществе, попытку обратиться как к русской истории, так и к идеалам Библии и христианского вероучения. На этом общем фоне развивались представления о сущности такого сложного и неоднозначного явления, как «теократия», и о специфике теократических властеотношений.

Существенный вклад в понимание феномена теократии внесла работа известного богослова А.П. Лопухина «Законодательство Моисея» (1882 г.). Он сформулировал свое понимание теократии, отличное от понимания Иосифа Флавия, который и ввел этот термин. «Теократия, – писал Лопухин, – не есть какая-либо особенная государственная форма правления в противоположность монархии, олигархии или демократии, как ее понимал И. Флавий, впервые введший в употребление этот термин, а выражает только особенное отношение Иеговы к народу, как к избранному, – отношение, выражающееся в духовном главенстве Его над народом посредством обязательства в сохранении договора и исполнении законодательства» (1).

Для Лопухина теократия – это не одна из форм правления. Она стоит как бы над ними. Это особый принцип отношений народа и Бога, дающий общую ному общественной жизни, сообразуясь с которой народ имел полную свободу развития и мог вырабатывать из себя, по своим потребностям, историческим обстоятельствам и условиям, все частные формы государственной и общественной жизни.

Лопухин отметил важную сторону теократии, отличающую ее от прочих государственных древности. Согласно Лопухину, «сущность государственности древних народов состояла в непримиримом разделении правителей и подчиненных, выразившемся в разделении народа на касты, из которых одни занимали государственное положение, другие, напротив, являлись средством к обеспечению наилучшего их положения» (2). Такая несправедливость не имела места в теократическом принципе правления. Отсюда ученый выводил главное следствие теократического принципа для государственной жизни – экономическое, социальное и политическое равенство всех в государстве.

Однако ученый не допускал возможности осуществления теократического принципа в Российском государстве, полагая, что он приложим только к ветхозаветному Израилю. Причина такого суждения заключалась в том, что он был православным богословом, и в рамках православного учения считал еврейский народ избранным Богом для сохранения истинной веры. И теократия была допустима Богом только в конкретный период для конкретного народа.

Так же как и у Лопухина, отрицательное отношение к флавиевскому определению теократии было и у другого исследователя – Н.А. Державина. Он отмечал: «исследование государственной жизни еврейского народа показало, что тут дело не в форме правления» (3). В разное время форма правления у древних евреев, указывает ученый, была различная: то единоличная (Моисей, отчасти И. Навин), то республиканская (старейшины всех колен), то монархическая (цари). По Державину, «теократия есть такое состояние народного сознания, когда Бог признается близко стоящим к народу руководителем его жизни, принимающим непосредственное или посредственное участие во всех важных фактах государственной жизни данного народа» (4).

Как видим, теократия, по Державину, это не форма государства, не политический режим, а «состояние народного сознания». Такой подход к пониманию теократии очень важен. И сегодня мы можем наблюдать в исследованиях по истории и теории теократии такой подход. Так, об этом пишет Е.Н. Салыгин: «в теократическом государстве может кардинальным образом измениться его политическая и правовая системы... Однако если при этом не изменится сознание людей, населяющих данное государство, их теократическое мышление, то говорить о трансформации теократического государства в какое-либо другое преждевременно. Теократический тип личности – вот, что лежит в основе религиозно-политических властеотношений» (5).

Если принять определение Державина, тогда теократическими можно назвать большинство протогосударственных и государственных образований древности из-за такого же восприятия власти как непосредственного или посредственного богоуправления. Державин признавал, что в широком смысле теократическим можно назвать не только религиозно-политические властотношения еврейского народа, но и многих других. Но связывал он это с библейским учением по причине изначальной православной мировоззренческой установки в исследовании. Он писал: «так понимаемая теократия сильно напоминает библейское учение о Промысле Божиим... Бог, по учению Библии, промышляет о всем мире, об отдельных царствах... таким образом, в Своей промыслительной деятельности Бог является руководителем жизни мира и отдельных царств, принимающим непосредственное участие в достижении или поставленной Им самим цели. Промыслительная деятельность Бога в таком случае может быть названа теократией в широком смысле слова. Частная же, конкретная форма проявления промыслительной деятельности Бога по отношению к одному из народов мира будет теократией в тесном смысле этого слова» (6). Эта частная промыслительная деятельность Божия, как полагал Державин, отличается от теократии в широком смысле слова не характером, а «только сферой (государственная жизнь) и пределами (данный народ) своей деятельности» (7).

Суть теократического правления Державин раскрывает с помощью книг Ветхого Завета. Он цитирует ряд мест из Библии, с помощью которых показывает, что Иегове принадлежали все функции царской власти: законодательная (Исх. XXI, 1), административная (Исх. XXXII, 7–8) и судебная (Исх. XXII, 27).

Державин придерживался того мнения, что с правлением царя в лице человека теократия не отменяется. Он указывал, что царем-законодателем еврейского народа по-прежнему оставался Иегова, так как данный Богом закон должен был стоять выше царя и свои законы царь не имел права издавать. То есть еврейский царь был только передаточной инстанцией в деле сообщения народу воли Иеговы.

Важным представляется то, что Державин выделяет в теократической теории те черты или предпосылки, которые помогают развиваться и укорениться теократии. Это религиозность народа, вера в Промысл Божий и богоизбранничество. Черты эти, по мнению ученого, были свойственны не только еврейскому, но и русскому народу. Исходя из этого сравнения, он говорит о «теократическом элементе в государственных воззрениях Руси».

Державин использует письменные памятники Руси, чтобы показать то сознание, которое приводило русских книжников к вере, что Бог принимает прямое участие в государственной жизни русских. «Бог, по воззрениям русских, влагает мысль о наступательной войне против поганых в сердца русских князей (Лет. по Лавр. сп. под 1102 г. – С. 266–267), Сам сражается с неприятелем (Новгор. лет. в II т. Прод. Др. Рос. Вив. – С. 646.) или же посылает на помощь русским небесные силы во главе с Архистратигом Михаилом,

св. воинов: Георгия, Дмитрия, Бориса, Глеба и др. (Никон. лет., ч. III. – С. 16–17; II. С.Р.Л., т. VI. – С. 95) (с. 48–49)... Он умиротворяет враждующих князей русских (Лет. по Лавр. сп. под 1229 г. – С. 429 и др.), наказывает их за нарушение крестного целования, участвует в борьбе между городами и т.п.» (8).

Еще одна трактовка теократии – определение ее как Царства Божия на земле. Такого взгляда придерживался церковный историк М.И. Богословский, считавший израильскую теократию уникальной религиозно-политической организацией общества. В отличие от Державина он не расширяет понятие теократии на другие периоды и народы. Для него теократия – это сугубая форма правления для богоизбранного еврейского народа. Соответственно, теократия перестает быть после пришествия Христа и установления Нового Завета между Богом и человеком. Связано это, по мысли Богословского, с различным пониманием Царства Божьего. «По мере того, как ветхозаветная теократия со дня на день неудержимо клонилась к упадку, писал Богословский, – в пророческих созерцаниях восставала в грандиозных очертаниях новая теократия, вместо национально-иудейской – всемирная, вместо чувственно-символической – духовно-нравственная» (9). Теократия, по Богословскому, не перестала существовать. Но она стала иной, духовной, переместившись из области религиозно-политической в то царство Божие, которое «не от мира сего».

Отмеченный Державиным безусловный теократический элемент в государственной жизни Византии не так однозначно признавался в трудах по истории церковно-государственных отношений Византии другими исследователями и публицистами того времени. 1870–1890-е гг. были периодом острой полемики (в первую очередь, в среде русских канонистов) в вопросе о соотношении церковной и светской власти в Византии и России.

Одну из сторон представлял профессор Н.С. Суворов, имевший либеральные взгляды и западническую ориентацию. Он отрицал собственное законотворчество церкви, считая, что она должна жить по законам государственным. Также он пропагандировал тезис о преемственности государственного взгляда на религию в Римской империи–Византии–России. Им положительно воспринимались факты «слияния государства и церкви в Византии и содействия со стороны органов государственной власти соблюдению церковного порядка» (10).

По словам историка церкви А.В. Карташева, Н.С. Суворов «в полномочиях русского императора усматривал непрерывно сохранявшееся преемство от московских царей, а у последних от византийских императоров особое сверхгосударственное, византийско-каноническое право православного василевса-царя «симфонически», вместе с иерархией участвовать в делах внешнего управления церковью» (11). Такой взгляд на царскую власть, на первый взгляд, имеет кажущуюся теократическую составляющую по причине соединения в одном лице (императора) церковной и светской власти. Но

по сути место Бога как церковного законодателя и правителя замещается государством, что характерно для псевдотеократических систем.

В открытую полемику с Суворовым вступил профессор Казанской Духовной Академии И.С. Бердников. На страницах журнала «Православный собеседник» он подверг резкой критике концепцию Суворова о «христианском государе, единственном хозяине в национальной территории», считая ее протестантской, а значит еретической. Бердников был уверен, что Церковь не может сливаться с государством (как в теократии), потому что «Церковь Христова представляет собою общество особого рода, совершенно самостоятельную форму. Соответственно, церковные законы, имеющие своим законодателем Бога, ставились Бердниковым выше законов государственных. Несмотря на кажущееся наличие теократической составляющей в этом утверждении, концепция Бердникова также не тождественна теократии. Это мы видим из дальнейших тезисов ученого: «церковный закон не соперничает с законом государственным, не желает предвосхитить себе его положение и значение. Церковный закон занимает свое особое, ему только свойственное положение; он есть закон особого порядка, принимаемый и исполняемый свободно, по убеждению в его святости и спасительности... Получив в свое ведение особую сферу деятельности, Церковь не вступает в область деятельности государства, не оспаривает у него ни одной из его функций или прерогатив» (12).

С другой стороны, следуя логике рассуждений Бердникова, определенная теократическая составляющая является нормой в христианском государстве. «В таком государстве регулятором правовых отношений делается не один закон, но и церковные правила, тоже в качестве государственных законов. В таком случае церковные правила, переделанные в законы государственные, вносятся в свод государственных законов. И наоборот, государственные постановления по делам церковным вносятся в сборники действующего церковного права в виде дополнения к ним и составляют одно цельное собрание под именем номоканона» (13). Таким образом, вместе с явной теократической составляющей мы видим, что данная концепция обладает антиклерикальным характером, обозначая пределы полномочий церковной власти.

Похожая позиция была у профессора Казанской Духовной Академии Ф.А. Курганова, ученика Бердникова. Он был согласен с И.С. Бердниковым, что единение, «взаимное согласие государства и церкви нужно понимать в смысле преобразования государственных законов и постановлений по духу христианских начал или иначе в смысле образования христианского государства» (14). Аналогичной точки зрения придерживался профессор Санкт-Петербургской духовной академии Т.В. Барсов (15).

Также в академической богословской среде была затронута тема западноевропейских средневековых теократий. В целом католическая теократия оценивалась как отступление от истинных целей христианства и как попыт-

ка под прикрытием христианской идеологии контролировать светскую власть или захватить ее. Одной из самых значимых работ по этому вопросу явилась книга Н.П. Родникова «Учение блаженного Августина о взаимных отношениях между государством и церковью...» (1897). Ценность этой работы заключалась в теоретическом осмыслении теократии сравнительно с учением отцов Церкви, то есть христианской точкой зрения.

Родников отказывается в отличие от французского ученого Поля Жане видеть истоки теократии в сочинениях Иоанна Златоуста и Григория Богослова (16). Более того, он показывает противоположный теократии взгляд на церковно-государственные отношения Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Иринея Лионского. Только у Оригена в данный период Родников находит теократические суждения. Остальные же Отцы Церкви, как отмечает ученый, четко разделяли сферы ведения духовной и светской власти и обязывали представителей клира и мирян повиноваться светской власти.

Также Родников не считал и Августина Блаженного основоположником средневековой теократии в Европе. Здесь он выступал последовательным критиком положений Е. Трубецкого, считавшего, что с Августина Блаженного начинается средневековая теократия. Подобный односторонний взгляд автор отмечает на том основании, что суждения Августина были чисто религиозными и не носили юридического характера.

Юридический характер носили, по мнению Родникова, рассуждения «теократических богословов западной церкви». К ним ученый относит пап (Григория VII, Иннокентия III), иерархов (Фома Беккет, Гинкмар Реймский, Эгидий Римский), а также ученых и богословов (Иоанн Солсберийский, Гуго Сен-Викторский, Фома Аквинат и др.).

«Иисус Христос, по мнению теократов, – писал Родников, – был одновременно и царем и священником... В подтверждение своей мысли теократы старались находить проявления царского достоинства даже в земной жизни Спасителя... Это соединенная в Иисусе Христе власть – светская и духовная перешла, по учению теократов, на основанную им церковь» (17). Наивысшее проявление папской теократии, по мнению Родникова, заключалось в словах папы Григория IX: «Бог поставил папу вместо себя на земле для управления и господства над всем миром, над всеми царями, царствами, делами и народами» (18).

Е.Н. Трубецкой посвятил магистерскую и докторскую диссертацию анализу религиозно-общественных идеалов западного христианства V и XI вв. В них он выявил сущность теократической концепции, отраженную в трудах Августина Блаженного, а также рассматривал развитие идеи теократии в эпоху Средневековья. По мнению Е.Н. Трубецкого, христианский идеал не теократичен, а анархичен по своему существу, в нем исчезают мирские власти. Когда речь идет о подлинной свободе, то граждане должны обладать возможностью избирать между любым вероисповеданием или атеизмом. Теократическое же государство этому препятствует (19).

Элементы теократических властеотношений содержались в трудах и проповедях знаменитого богослова XIX в. митрополита московского Филарета (Дроздова) (20), в публицистике и эпистолярном наследии поэта и дипломата Ф.И. Тютчева (21).

Публицист Н.И. Черняев отмечал важную положительную сторону теократии – ее устойчивость и стабильность, вызванную обожествлением властей: «Те формы правления, которые огульно причислялись старыми историками к тем или другим видам деспотизма, в действительности стоят особняком от него, ибо они опирались или на религиозные верования, или на древние обычаи и потому пользовались сочувствием страны, а иногда даже и обожанием».

П.А. Флоренский отмечал в теократии, как и Н.И. Черняев, положительные стороны, в частности, способность объединять людей на единой духовно-политической основе. В таком государстве общество связывается в «единый духовный организм». В отличие от формальных, отчужденных отношений между людьми в современных европейских государствах религиозно-духовные связи в теократии придают человеческим отношениям «особую серьезную теплоту». П.А. Флоренский считал теократию с монархической формой правления идеалом общественного устройства, так как теократия наиболее соответствует сакральному пониманию культуры. Строение теократии строго иерархично. Эта иерархичность не случайна и связана с тем, что теократия является отражением Божественного мира. Философ писал, что «Гражданское устройство мыслится как отображение небесной иерархии, Христом возглавляемой» (22).

Скептический взгляд на теократию был у Б.Н. Чичерина. Ученый рассматривал теократию как одну из моделей взаимоотношений церкви и государства, «владычество религиозного союза над государством, отношение, которое противоречит существу обоих, ибо нравственно-религиозное начало становится принудительным, а государство подчиняется внешней для него власти» (23).

Примерно в таком же ключе оценивал теократию Ф.М. Достоевский. В «Легенде о Великом инквизиторе» он показал ложность теократии, в которой Царству Кесаря отдается предпочтение перед Царством Божьим, почитание бога оборачивается обожествлением государства, вера в божественное происхождение человека сменяется презрением к людям и установлением над ними жесткой опеки церковно-политической власти, любовь затмевается ненавистью и презрением к свободе.

Таким образом, мы видим, что в научных работах и публицистике рассматриваемого периода не было единого мнения относительно определения теократии. Расхождения проявились в следующих вопросах:

1) возможно ли трактовать теократию как определенную форму государственного правления или же это некий идеал, зафиксированный в некоторых религиозных памятниках;

2) является ли только ветхозаветный Израиль теократическим образованием или термин «теократия» может распространяться и на явления государственной жизни других стран;

3) насколько правомерно говорить о Византии как теократическом государстве. Как соотносятся понятия цезаропапизма и теократии.

Также из вышеизложенного следует, что возможность построения теократического государства в России большинством публицистов, затрагивавших этот вопрос, оценивалась скептически. Для определенной группы исследователей теократия представлялась как описанная в Ветхом Завете и, соответственно, ограниченная конкретным периодом и народом система правления, которая не может больше повториться. Другие авторы развивали эту мысль, полагая, что любые попытки духовной власти управлять государством – это есть искусственное, ложное возрождение ветхозаветной теократии. В качестве примера приводили, как правило, папскую теократию.

На недостатки теократии обращали внимание различные общественно-политические круги: либералы (Б.Н. Чичерин), монархисты (Ф.М. Достоевский), церковные писатели (Н.С. Суворов, М.И. Богословский).

О достоинствах теократической системы также писали, но исторические примеры воплощения теократической идеи для России считали невозможными. Самому понятию теократии в общественно-политической мысли в XIX в. нередко придавалось негативное значение чего-то архаичного, отсталого или не соответствующего православному вероучению в принципе (Е.Н. Трубецкой). Отрицательное отношение к историческим теократиям, например западноевропейскому средневековому папоцезаризму, предопределяло такое же отношение и к возможности осуществления теократической модели в России. Но при этом, как у Ф.И. Тютчева или Н.И. Чернышева, фактически признавались положительными такие теократические элементы, как наделение царской власти божественными атрибутами и смешение церковно-государственных функций.

Однако сама идея теократии оказалась жизнеспособной в государственных теориях конца XIX – начале XX в. Грандиозный утопический проект «свободной теократии» создал Владимир Соловьев. По Соловьеву, истинная теократия может быть образована только при неслиянном и нераздельном единстве священнической, царской и пророческой власти. Но в теократии должно быть превосходство духовной власти, причем не в политическом смысле, а в нравственном.

Государство устанавливает к священству «сыновние» отношения, подчиняясь ей не из страха, а добровольно. Государство в теократии должно способствовать распространению христианской веры, организовывать общественные отношения по образцам христианской религии. Церковь не должна вести политической борьбы, так как это обмирщает ее жизнь. Не церковь должна приспособляться к мирской действительности, а мирская действительность обязана изменяться по образу церкви. «Не первосвященники долж-

ны становиться царями, а напротив – царям должно восходить до религиозного союза и нравственного единения с истинными первосвященниками» (24).

В. Соловьев отмежевывается от тех вариантов теократического устройства, которые имели место в истории. Теократия Соловьева – «свободная». Он определял ее как «образование всецелой общечеловеческой организации в форме цельного творчества, или свободной теургии, цельного знания, или свободной теософии и цельного общества, или свободной теократии» (25).

Теократическую концепцию Соловьева развивали С.Н. Булгаков и С.Л. Франк, П.А. Флоренский. Обращались к ней в своем творчестве Н.А. Бердяев и П.И. Новгородцев. Но их идеал «свободной теократии» отличался от исторических теократий, так как целью существования подобных государств они видели «не в полноте власти, а в полноте любви». В отдельных случаях «свободная теократия» даже противопоставлялась государству и заменялась им (Н.А. Бердяев). Эти положения развивались и после 1917 г., в общественной мысли русского Зарубежья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Лопухин А.П.* Законодательство Моисея: исслед. о семейн., соц.-экон. и гос. законах Моисея с прил. трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новоеоткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым. – М., 2005. – С. 174–175.
- (2) Там же. – С. 175.
- (3) *Державин Н.А.* Теократический элемент в государственных воззрениях Московской Руси сравнительно с воззрениями древних евреев. – Киев, 1906. – С. 5.
- (4) Там же. – С. 6–7.
- (5) *Салыгин Е.Н.* Теократическое государство. – М., 1999.
- (6) *Державин Н.А.* Теократический элемент в государственных воззрениях... – С. 6–7.
- (7) Там же. – С. 7.
- (8) Там же. – С. 48–49.
- (9) *Богословский М.И.* Идея царства Божия в Ветхом и Новом Завете // Православный собеседник. – 1887. – № 11. – С. 253.
- (10) *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. – М., 1912. – С. 463–464.
- (11) *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. – М., 1991. – Т. 2. – С. 377.
- (12) *Бердников Н.И.* Церковное право как особая, самостоятельная правовая область и его отношение к общей системе права // Православный собеседник. – 1885. – № 10. – С. 176–177.
- (13) Там же. – С. 180–181.
- (14) *Курганов Ф.А.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи. – Казань, 1880. – С. 73.
- (15) См.: *Барсов Т.В.* Различные системы отношений церкви и государства // Странник. – 1872. – С. 167.
- (16) *Родников Н.П.* Учение блаженного Августина о взаимных отношениях между государством и церковью сравнительно с учением о том же отцов, учителей и писа-

телей церкви первых четырех веков и средневековых теократических богословов западной церкви. – Казань, 1897. – С. 113.

- (17) Там же. – С. 258–259.
- (18) Там же. – С. 260.
- (19) См.: *Трубецкой Е.Н.* Мирозерцание Вл. С. Соловьева. – М., 1913. – Т. I. – С. 584.
- (20) См.: Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: слова и речи. – М., 1874. – Т. 2. – С. 14.
- (21) См.: *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад. – М., 2007. – С. 92.
- (22) *Флоренский П.А.* Философия культа // Символ. – Париж, 1991. – № 26. – С. 216.
- (23) *Чичерин Б.Н.* Философия права. – СПб., 1998. – С. 232.
- (24) *Соловьев В.С.* Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева. – СПб., 1901. – Т. III. – С. 374.
- (25) *Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // Соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 176.

THEOCRACY PROBLEM IN RUSSIAN SCIENTIFIC AND SOCIAL THOUGHT IN SECOND HALF OF 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

A.A. Sakhno

Department of Philosophy and Culturology
Russian State University of Tourism and Service
Main Str., 99, set. Cherkizovo, Moscow Reg., Russia, 141221

The article deals with the interpretation of theocracy as a form of government and socio-philosophical concept in the Russian scientific literature and periodicals in the second half of 19th – early 20th centuries. Focuses on particular issues and controversies in the history of the theory of theocracy. Also examines the historical parallels between the theocracies of the past and church-state relations in Russia, which took place in the literature, the study period.

Key words: theocracy, theocratic type of relationship of church and state, Old Testament, Byzantium, clericalization.